

op-36

op. 36

Ф-36

Л. ФЕЙЕРБАХ.

87,3
100
993

ДЕК 2011

Я Д Р О

ПРИНЦИПЫ МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ ПОЗНАНИЯ.

ПРОВЕРЕНО 1932 г.

78370

— С ПРИЛОЖЕНИЕМ СТАТЬИ —
А. М. ДЕБОРИНА „Л. ФЕЙЕРБАХ“.

ПРОВЕРЕНО 1932 г.

Перев. Я. Виткинда.

ЦЕНТР
ПОВЫШЕНИЯ
РУКОВОДСТВА

970

ПРОВЕРЕНО 93

Книгоиздательство „МАТЕРИАЛИСТ“.
МОСКВА—1923.

1954 г.

44 г.

41 г.

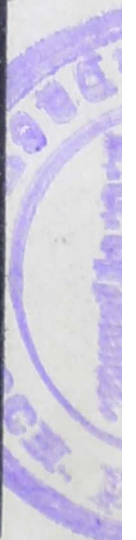
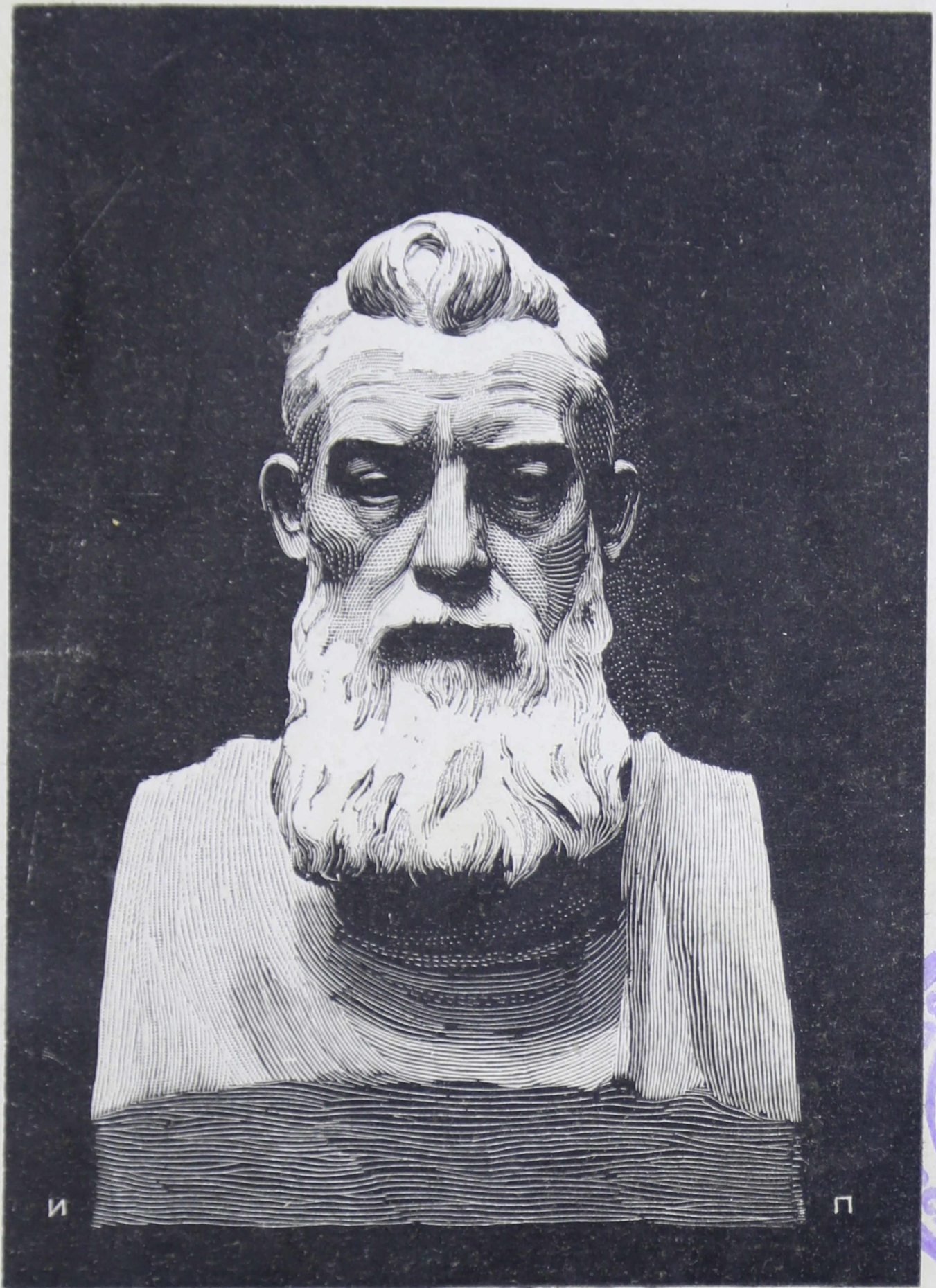
ИЮН 1954

Е - МАИ 1958

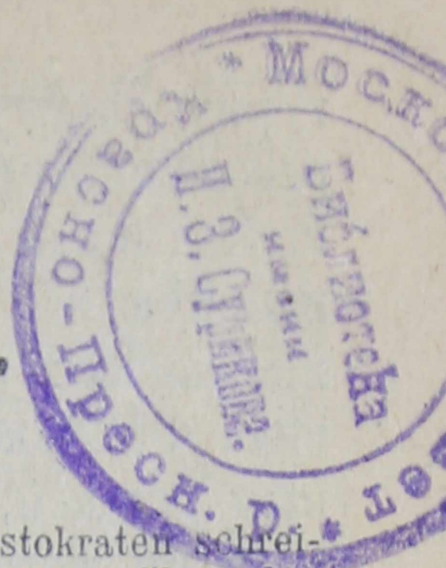
ИЮН 1954

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	<i>Стр.</i>
1) А. М. Деборин—Л. Фейербах	3
2) Л. Фейербах—Предварительные тезисы к реформе философии	73
3) Л. Фейербах—Основоположения философии будущего	104

Людвиг Фейербах.

Die Pfaffen und Aristokraten schreiben über den Materialismus über den Eigennutz der Gegenwart. Warum? Weil man den Herren nicht mehr allein das Recht des Eigennutzes einräumt, weil auch der Bauer, der Pöbel, das gemeine Volk überhaupt nicht mehr Alles den Pfaffen und Aristokraten zur Befriedigung ihrer Herrsch- und Habsucht überlassen, sondern selbst etwas haben und sein will ¹⁾. Feuerbach.

Nur die „Lumpen“ sind Revolutionäre! Natürlich, mit einem schweren Geldsack auf dem Buckel kannst du keine hohen Sprünge machen ²⁾.

Feuerbach.

В конце тридцатых и в течение сороковых годов прошлого столетия имя Фейербаха гремело по всей Германии. В его лице на общественную и литера-

¹⁾ Попы и аристократы вопиют против материализма, против своекорыстия современности. Почему? Потому что ныне отрицают за господами исключительное право на своекорыстие, потому что крестьянин, „чернь“, простой народ вообще не желает больше предоставить всего попам и аристократам для удовлетворения их алчности и властолюбия, но и сами хотят кое-что иметь и чем-нибудь быть.

²⁾ Только „босяки“ революционеры! Вполне естественно, ибо с тяжелым денежным мешком на спине высоко не взлетишь.

турную арену выступил отважный боец, философ-революционер, материалист и атеист, смело ринувшийся в бой и ставший громить и разрушать освящавшую все устои старого прогнившего общества идеологию: идеалистическую философию и религию. Фейербах в эту эпоху был признанным идейным вождем, истинным властителем дум, вокруг знамени которого сплачивались все радикальные элементы общества. Средние века, говорит справедливо Энгельс, знали только одну форму идеологии: религию и богословие. Германия начала девятнадцатого столетия была в значительной степени еще страной феодальной; но под покровом феодализма капитализм, однако, достиг значительных успехов. Поэтому молодая буржуазия до поры до времени мирилась с феодальным режимом. «По отношению к мелкой буржуазии и пролетариату она была груба, по отношению к абсолютизму и феодализму — хитра» (Меринг). Идеология буржуазии, в особенности в лице самого гениального ее представителя — Гегеля, была проникнута духом примирения между богословием и спекулятивной философией, или, иначе говоря, между феодализмом и капитализмом. Разум идеалистической философии должен был оправдать то, что является предметом веры с точки зрения теологии. Возникает вопрос: является ли эта «связь» законной или только случайной? И Фейербах на этот вопрос дает положительный ответ, ибо, говорит он, сама спекулятивная философия есть не что иное, как разно-

видность теологии. «Тайну спекулятивной философии составляет теология». И надо прямо сказать, что доказательству этого положения у Фейербаха посвящены самые глубокие и блестящие страницы. Его критику идеализма следует признать самой сокрушительной и, с нашей точки зрения, окончательной. Это, разумеется, не помешает никогда ни «рабам», ни «ослам» (выражения Фейербаха) пережегивать идеалистическую жвачку: рабам—в подражание господам, ослам—на свой страх и риск. Для Фейербаха же ясно одно, что кто не отказывается от идеалистической философии, тот не порывает и с теологией. Поэтому задача, стоявшая перед нашим благородным мыслителем, сводилась к окончательному разоблачению обоих союзников, к нанесению им сокрушительного, смертельного удара и к построению на их костях нового здания материалистической философии. (Его критика идеалистической философии бросает яркий свет на «сущность религии», критика же религии и, в частности, христианства разоблачает перед нами сущность идеалистической философии. Отрицательный результат, к которому приводит критика, состоит в том, что природа и человек составляют истинную, хотя и скрытую сущность как религии, так и философии, что тайну философии и религии составляет антропология.) Однако в идеалистической философии и теологии все «поставлено на голову», все дано в извращенной и фантастической форме. Согласно теологии и спекулятивной философии, не человек со-

здает себе Бога, а Бог является творцом человека, не природа порождает мышление, а мышление, идея создает природу. В умозрительной философии истинное отношение между бытием и мышлением искусственно затушевывается. Стоит только перевернуть умозрительное построение, и мы получим истинный принцип новой философии. «Чтобы понять Фейербаха и мотивы его философской работы мысли, говорит справедливо Фр. Иодль, — необходимо обратить внимание на связь его с Гегелем. Ведь самые важные и основные положения фейербаховской философии возникли в качестве антитезы к философии Гегеля; и может быть даже самая краткая и наиболее меткая характеристика исторического положения Фейербаха заключается в утверждении, что он произвел такой же переворот в философии Гегеля, как Коперник в астрономии Птолемея: то, что раньше было центром вселенной, абсолютный дух, отодвигается теперь в качестве простой проекции на периферию; природа, которая являлась у Гегеля самоотчуждением духа, становится центральным понятием, носительницей жизни».

І. Критика идеализма.

Л. Фейербах, в отличие от других левых гегельянцев, как Б. Бауэр или Штраус, радикально порвал с идеалистической философией и вступил на новый путь. Бауэр и Штраус оставались на почве гегелевской философии, при чем каждый из них

стремился проводить или развивать одну сторону гегелевской абсолютной идеи. Штраус приписывал роль творца христианского мифа субстанции. Бауэр же из гегелевской абсолютной идеи взял вторую ее половину—самосознание, как творческое начало евангелия. Фейербах же отбросил абсолютную идею Гегеля и поставил на ее место природу и человека. Фейербах смело развернул на германской почве знамя материализма и атеизма. Наш мыслитель отдаст себе ясный отчет в том, что старая спекулятивная философия перестала удовлетворять потребностям человечества, и что новая историческая эпоха требует новой философии. Только та философия, говорит Фейербах, является необходимой и истинной, которая соответствует потребностям времени и человечества. Старая спекулятивная философия была теснейшим образом связана с теологией. Новая философия является одновременно отрицанием спекулятивной философии и теологии. Крушение одной означает вместе с тем и крушение другой. «Периоды человечества отличаются одни от других лишь переменами в религии. Данное историческое движение только тогда становится могучим, когда оно овладевает человеческим сердцем. Сердце не только форма религии; нельзя сказать, что религия должна быть так же и в сердце,—оно составляет сущность религии». И вот спрашивается, совершилась ли уже такая религиозная революция? Фейербах отвечает на этот вопрос утвердительно, ибо, говорит он, мы не имеем больше ни сердца, ни

религии. <Христианство фактически исчезло, его больше не существует—даже для тех, которые его внешне придерживаются. Люди делают из этого факта тайну—по соображениям политического свойства не желают сознаться в этом. Таким образом фактическое отрицание христианства выдают за самое христианство, от которого, в сущности, остается одно только название. «Это есть сохранение христианства в форме его отрицания». Если мы отрицаем откровение, если мы отвергаем завет, то откуда мы можем знать волю и дух творца? Христианства больше не существует, ибо оно больше не соответствует ни теоретическим, ни практическим потребностям человека.> Оно не удовлетворяет больше ни потребностям нашего духа, ни требованиям сердца. Наше сердце преследует ныне другие интересы, а не вечное небесное блаженство.

Христианство исчезло,—оно исчезло из нашего духа и сердца, из науки и жизни, из искусства и индустрии. Оно опровергнуто основательно и безвозвратно. И если прежнее отрицание христианства было бессознательное, то теперь оно стало сознательным. Сознательное отрицание христианства кладет начало новой исторической эпохе и вызывает необходимость в новой, решительно антихристианской или нехристианской философии.

Место религии должна занять философия, но эта философия должна существенно отличаться от старой философии. Новая философия должна впитать в себя сущность религии, ее содержа-

формальным единством, присоединяющим к мышлению самому по себе бытие, как определенность; оно зависит только от предмета, от содержания мышления.

Отсюда вытекает следующий категорический императив. Не пожелай быть философом в отличие от человека, да будет философ только мыслящим человеком; пусть он мыслит не как мыслитель, т.-е. в изолированном для себя естестве, вырванном из целостности действительного человеческого существа; мысли как живое, действительное существо, в качестве которого ты и предоставлен на волю оживляющих и освежающих волн мирового океана; мысли в существовании, в мире, как член такового, а не в пустом пространстве абстракции, как изолированная монада, как абсолютный монарх, как безучастный, внемировой бог,—только тогда ты можешь рассчитывать на то, что твои мысли будут собою представлять единство бытия и мышления. Как возможно, чтобы мышление, как деятельность действительного существа, не постигло истинных вещей и существ? Лишь в том случае, когда обособляют мышление от человека, возникают мучительные, бесплодные и для данной точки зрения неразрешимые вопросы: как мышление приходит к бытию, к объекту? Ибо фиксированное само по себе, т.-е. поставленное вне человека мышление находится вне всякой скрепы и связи с миром. Ты поднимаешься на

степень субъекта лишь тем, что подвергаешь себя унижению быть самому объектом для другого. Ты мыслишь лишь потому, что твои мысли сами могут быть мыслимы, и они истинны лишь в том случае, когда выдерживают пробу объективности, когда их признает и другой, кроме тебя, для которого они служат объектом; ты видишь лишь в качестве видимого, чувствуешь в качестве чувствуемого существа. Мир стоит открытым только для открытого ума, и только через чувства ум общается с миром. Но изолированное для себя, замкнутое в себе мышление, мышление без чувств, без человека, вне человека есть абсолютный субъект, который не может и не должен быть объектом для другого, но именно поэтому такое мышление, несмотря на все усилия, никогда и никоим образом не найдет перехода к объекту и бытию; в столь же малой степени как голова, отделенная от туловища, не сможет овладеть предметом, ибо отсутствуют средства,—органы хватания.

§ 52.

Новая философия есть полное, абсолютное, безотговорочное растворение теологии в антропологии — растворение не только в разуме, как это было в старой философии, но и в сердце, словом—во всем действительном существе человека. Но и в этом отношении она—лишь необходимый резуль-

тат старой философии, ибо, что раз разрешилось в уме, должно, наконец, разрешиться и в жизни, в сердце, в крови человека. Она является одновременно и истиной старой философии и вместе новой, самостоятельной истиной, ибо только истина, ставшая плотью и кровью, есть истина. Старая философия необходимо впала опять в теологию; то, что уничтожено только в разуме, только *in abstracto*, обладает противоположностью в сердце; напротив, новая философия не может больше вернуться вспять; что умерло и телом и душою, не может вернуться даже, как призрак.

§ 53.

Человек ни в каком случае не отличается от животного только мышлением. Он отличается от животного всем своим существом. Правда, кто не мыслит,—не человек, но не потому, что мышление—причина человеческого существа, а потому лишь, что оно—необходимое его следствие и свойство.

Поэтому нам и здесь незачем выходить за пределы чувственности, чтобы признать человека существом, стоящим выше животных. Человек—не партикулярное существо, как животное, но универсальное, и потому, в противоположность животному, неограниченное, свободное, ибо универсальность, неограниченность, свобода неразрывны. И эта свобода состоит не в какой-либо осо-

бой способности, в воле; столь же мало эта универсальность заключается в особой способности мышления, разума; эта свобода, эта универсальность простирается на все его существо. Животные чувства острее человеческих, но лишь в отношении к определенным вещам, находящимся в необходимой связи с потребностями животного, и они сильнее именно благодаря этой определенности, этому исключительному ограничению определенным. Человек не обладает обонянием гончей собаки, вороны, но лишь потому, что его обоняние есть чувство, обнимающее все роды запахов, а, стало быть, свободное, безразличное к особым запахам. Но если чувство подымается над ограничениями частного и преодолевает свою связанность потребностями, то оно возвышается до самостоятельного, до теоретического значения и достоинства: универсальное чувство — разум, универсальная чувственность — духовность. Даже низшие чувства, обоняние и вкус, возвышаются в человеке на степень духовных, теоретических актов. Запах и вкус вещей служат объектами естествознания. Даже желудок человека, при самом презрительном к нему отношении, есть не животная, а человеческая сущность в силу своей универсальности — неограниченности определенным родом питательных средств. Именно потому человек свободен от той бешеной прожорливости, с которой животное бросается на свою

добычу. Оставьте человеку его голову, но дайте ему желудок льва или лошади,—и он, наверное, перестанет быть человеком. Ограниченный желудок уживается также лишь с ограниченным, т.-е. животным, чувством. Нравственное и разумное отношение человека к желудку заключается лишь в том, чтобы обходиться с ним, не как с скотским, а человеческим существом. Кто выключает желудок из человеческой сферы и переводит его в область животного, тот уполномочивает человека в еде на скотство.

§ 54.

Новая философия делает человека, со включением природы, как базиса человека, единственным, универсальным и высшим предметом философии, — следовательно, превращает антропологию, включая и физиологию, в универсальную науку.

§ 55.

Искусство, религия, философия или наука суть лишь проявления или обнаружения истинного человеческого существа. Человек, т.-е. совершенный, истинный человек лишь тот, кто обладает эстетическим или художественным, религиозным или нравственным и философским или научным смыслом или чувством; человек—лишь тот, кто не отвергает ничего существенно человеке-

ского. Я—человек и ничто человеческое мне не чуждо,—это положение, взятое в своем универсальнейшем и высшем значении, является девизом современного философа.

§ 56.

Абсолютная философия тождества совершенно исказила точку зрения истины. Естественная точка зрения человека,—точка зрения различения *я* и *ты*, субъекта и объекта является истинной, абсолютной точкой зрения, а следовательно, и точкой зрения философии.

§ 57.

Соответствующее истине единство головы и сердца состоит не в упразднении и затушевывании их различия, но лишь в том, что существенный предмет сердца есть и существенный предмет головы, т. е. лишь в тождестве предмета. Новая философия, делающая человека—существенный и высший предмет сердца—также и существенным и высшим предметом ума, обосновывает этим разумное единство головы и сердца, мышления и жизни.

§ 58.

Истина заключается не в мышлении, не в знании самом по себе. Истина есть лишь совокупность человеческой жизни и сущности.

§ 59.

Единичный человек сам по себе не заключает в себе сущности человека, ни в качестве нравственного, ни в качестве мыслящего существа. Сущность человека заключается лишь в общении, в единстве человека с человеком, в единстве, базирующемся, однако, лишь на реальности различия между *я* и *ты*.

§ 60.

Одиночество, это—конечность и ограниченность, общественность есть свобода и бесконечность. Человек для себя—человек лишь в обычном смысле; человек вместе с человеком, единство *я* и *ты*, есть бог.

§ 61.

Абсолютный философ в качестве мыслителя говорил или, по крайней мере, думал о себе, на манер „l'étât c'est moi“ абсолютного монарха и „l'être c'est moi“ абсолютного бога,—а не как человек: „la verité c'est moi“. Человеческий философ, напрогив, говорит: даже в мышлении, даже в качестве философа, я—человек с людьми.

§ 62.

Истинная диалектика, это—не монолог одинокого мыслителя с самим собою, то—диалог между *я* и *ты*.

§ 63.

Троичность была высшей тайною, центральным пунктом абсолютной философии и религии. Но ее тайна, как было доказано исторически и философски в „Сущности христианства“, есть тайна общинной, общественной жизни, тайна необходимости *ты* для *я*, — истина, что никакое существо, как бы оно ни называлось, человек или бог или дух или *я*, не есть само по себе истинное, совершенное, абсолютное существо, что истина и совершенство заключаются лишь в единении, в единстве единосущных существ. Высшим и последним принципом философии является поэтому единство человека с человеком. Все основные отношения и принципы различных наук суть лишь различные роды и виды этого единства.

§ 64.

Старая философия обладает двойкою истинною, истиной для себя самой — философией, которая о человеке не заботится, и истиною для человека, — религией. Новая философия, напротив, как философия человека, есть по существу и философия для человека, — она имеет, без ущерба для достоинства и самостоятельности теории, даже в теснейшем созвучии с нею, существенно практическую, и

притом в высшем смысле слова — практическую тенденцию; она становится на место религии, она вмещает в себе сущность религии, она поистине сама есть религия.

§ 65.

Имевшие до сих пор место в философии реформистские попытки отличаются от старой философии более или менее только по виду, но не по роду. Непременнейшее же условие действительно новой, т.-е. самостоятельной философии, соответствующей потребности человечества и будущности, заключается в том, чтобы она отличалась от старой философии по существу.

32789.н

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО

„МАТЕРИАЛИСТ“.

ПЕЧАТАЕТСЯ

И В НЕПРОДОЛЖИТЕЛЬНОМ ВРЕМЕНИ ВЫЙДЕТ:

А. М. ДЕБОРИН — „Людвик Фейербах — личность и мировоззрение“.

